

Рено для этой жизни

Известия, - 2000, - 18 сент. - с. 6

Мишель Рено, с точки зрения русского человека, сумасшедший. Вместо того чтобы жить в прекрасной Франции, он из нее уехал. И если сначала маршрут Рено несильно отличался от стандартных путешествий стандартных европейцев — Нидерланды (учеба на кинорежиссера), Штаты и Англия (политология и международные отношения), то потом он уезжает в Африку, а затем перебирается в Россию. В самом что ни на есть замшево-застойном 1983 году Мишель учился в питерском Политехническом институте, в 1992-м ставил вокал в питерской же консерватории. Последние пять лет он живет в Осетии, где издает журнал «Александровский проспект» об осетинской культуре.

— Почему вы приехали в Россию?

— В возрасте шести или семи лет я вдруг почувствовал, что я не только француз, что меня притягивает другая страна. В шестнадцать лет впервые побывал за рубежом. В восемнадцать поехал в Африку. Но когда я приехал в Россию, был просто в шоке. Для меня все было экзотикой, но при этом я не чувствовал себя чужим. Это невозможно объяснить ни русским, ни своим. В 91-м в Большом театре слушал «Евгения Онегина», зал полный, русская публика хорошо одета. После отсутствия в России в течение нескольких лет и шока грандиозных изменений я вновь почувствовал величие культуры России. Именно здесь, а ни в какой другой стране чувствую себя французом. Я это вам говорю как человек, который ни разу не вернулся. Но я до сих пор задаю себе вопрос: «Почему я живу в этой стране? Зачем?»

— Ответили на него?

— Нет. Пока просто живу.

— Большинство иностранцев-русифилов оседают в Москве, Питере. Почему Осетия?

— Случайно, хотя за три года до того, как я впервые оказался на Кавказе, очень хотел поехать. Однажды я сказал приятелю: чувствую, там для меня что-то важное случится. В 94-м году на международной конференции молодых лидеров Кавказа я познакомился с одним осетином и с его помощью попал в Осетию. Ехал туда делать фильм без сценария, без текста, чисто на интуиции, типа экспери-

ментального документального кино: мир цветов, форм, звуков, тембров, ритмов... Таким образом я жил в Осетии первые полтора года. Затем собрал около трехсот фильмов — там были балет, опера, концерты, документальные фильмы об архитектуре, скульптуре, изобразительном искусстве. Привез аппаратуру, организовал во Владикавказе еженедельные показы фильмов по европейской культуре.

— Зачем?

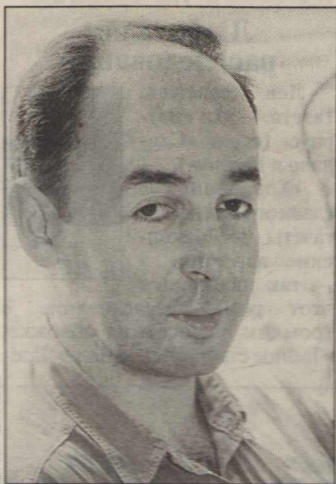
— Я читал Бэлзу, он говорит, что Советский Союз — такая большая страна, что нельзя во всех местах смотреть и слушать самое лучшее. Но глубинка — место, где живут талантливые, интеллигентные люди. Так вот я хотел, чтобы они смотрели самое лучшее, что только есть.

— А что вы понимаете под интеллигенцией?

— Это класс или слой населения, который исторически берет на себя всю ответственность и вину. Если интеллигенция не исполняет свой долг, значит, ее просто нет. Я пятый год живу в Осетии, а в Москве этих людей считают безнадежными дикарями.

— Похоже, и вам не очень нравится место, где вы живете...

— Нет, я люблю эту страну. Она жесткая, и люди здесь жесткие — есть только черное и белое, зависть и ревность, без нюансов. Есть беспредельная храбрость и наоборот. Осетия имеет непосредственную связь со своим архаическим прошлым, живя на задворках современного мира. Там, конечно, есть столица, министерств-

ЮРИЙ ШТУКИН

Мишель Рено

ва, госучреждения. Но люди вынуждены жить по определенному стандарту, а не так, как их предки.

— Почему вы начали издавать журнал?

— Когда я организовал показы, подумал, что логично было бы показать не только европейскую культуру, но и культурную жизнь республики. Первые номера издавал на собственные средства. Следующие — за счет продажи и меценатства одного чиновника. Но журнал не может развиваться без стабильного финансирования. Тираж не позволяет окупаться. У меня есть планы, но чтобы их исполнять, нужно иметь хоть какой-то повод для надежды. Однако я не вижу этого повода. Сейчас я провел успешные переговоры в Москве и открываю фонд поддержки культуры и публицистики Северного Кавказа. В Осетии люди не готовы тратить деньги на культуру. В Голландии премьер-министр платит за билеты в театр. Не думаю, что министр культуры Северной Осетии купит билеты за свои деньги.

— При столкновении разных культур всегда возникают проблемы. И не только финансовые. У вас их нет?

— Я почти три года в Осетии безвыездно. Не хватает уровня

общения. Не хочу говорить слово «провинциализм». Хочу вырваться из борьбы с чепухой. Там народ радуется и обижается по поводу ерунды. Я верю: Осетия станет национальной республикой с собственной культурой, она не должна быть провинцией Москвы, но ведет себя именно так.

— Осетия оценила ваши усилия?

— Много людей поддерживают меня. Сначала я почувствовал это от интеллигенции. Сейчас — от самых разных слоев. Официальной поддержки нет. Я не должен беспокоить высших чиновников — предполагается, что тогда каждый художник сможет это делать. Но недавно имел очень приятную встречу с женой президента Александра Дзасохова. Она человек интеллигентный, волевой, стильная женщина. Считает, что журнал должен существовать. На мой взгляд, он должен стать визитной карточкой республики, так как официальная пресса — это обслуживающий орган, а не журналистика.

— Правильно ли писать об осетинской культуре на русском языке?

— Большая беда, что осетины не всегда знают свой язык. Мне стыдно признаваться, что не говорю по-осетински, я как француз страдаю от этого и испытываю чувство вины. А осетины — нет.

— Это район, близкий к Чечне. Не страшно?

— Я не живу в страхе. Не знаю, есть ли у меня ангел-хранитель или просто везет. Не хочу и упоминать, чтобы несчастье не принесло.

— Вы еще не забыли, что вы — француз?

— Категорично нет. Но не разговариваю по-французски, даже думаю по-русски. Знаете, когда сообщая кому-нибудь, что я — француз и занимаюсь культурой Кавказа, это вызывает странную реакцию.

— Вам не кажется, что у вас слишком много приключений?

— Я разумный человек, хотя живу приключенческой жизнью.

Анна КОВАЛЕВА